ИТОГИ

ОБ'ЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА Ц. К. и Ц. К. К. В. К. П. (б)

ХЕРСОН—1927

ДОКЛАД тов. БУХАРИНА

НА СОБРАНИИ ПАРТАКТИВА
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В. К. П. (б) 11-го АВГУСТА 1927 г.

ХЕРСОН—1927

Окрлит 621 Зпк. 4723 Тираж 2500

Херсон, Типография И-ва „Червоний Селянин“

Новые трудности и новое выступление оппозиции.

Товарищи, должен оговориться, что сегодняшний доклад я буду делать не в строго отчетном порядке, так как я считаю более целесообразным выделить *основное* и наиболее *существенное*, что было на только что закончившемся об'единенном пленуме, и сосредоточить ваше внимание на главных вопросах, имеющих *решающее значение* как с точки зрения политики партии во вне, так и с точки зрения внутрипартийных отношений.

Еще не так давно и мне лично, и целому ряду других товарищей приходилось характеризовать наше положение, как положение, связанное с трудностями нашего *внутреннего роста*, с трудностями перехода от восстановительного к реконструктивному периоду. С переходом на прочные рельсы хозяйственного роста, с переходом к реконструктивному периоду Советское государство столкнулось с целым рядом крупнейших проблем, связанных с внутренними противоречиями нашего экономического роста.

Теперь мы опять вступаем в новую полосу истории нашего Союза, рабочего класса и коммунистической партии, в полосу, которая может быть охарактеризована, как полоса наших

внешних, международных затруднений, в первую очередь.

Само собой разумеется, что вопросы внутренней политики не отделены „китайской стеной“ от вопросов международного порядка. Мы вступили в новую полосу осложненных международных отношений. В известной, и притом в очень значительной, мере эта новая полоса международных затруднений связана с нашим внутренним ростом и с укреплением нашего хозяйственно-политического могущества.

Нападки на СССР со стороны капиталистического мира возрастают в значительной мере из за этого нашего роста. С другой стороны, возрастающие нападки на нас со стороны капиталистического мира,—то, что мы в общем называем подготовкой войны и окружением СССР,—этот политический фактор большого международного значения в свою очередь непосредственно отражается на нашей внутренней политике.

С точки зрения поверхностного наблюдателя в этой связи можно говорить относительно хвостов перед нашими лавками и магазинами, кооперативными и государственными, относительно некоторого нарушения равновесия между товарным спросом и предложением (я разумею здесь усиленные закупки соли, муки и т. д., о которых вы отлично знаете из повседневной жизни). С другой стороны, в связи с подготовкой нападения на нас и необходимостью

контрподготовки с нашей стороны, перед нами выступают крупные затруднения более широкого масштаба, например: в смысле получения заграничных кредитов, затруднения в области международной торговли, затруднения, вытекающие отсюда и для нашего экспортно-импортного плана, затруднения, дающие себя знать при построении нашей производственной программы и контрольных цифр нашего хозяйства.

Дело в том, что подготовка операций самообороны требует от нас перераспределения бюджетных средств, увеличения ассигновок на нашу армию и флот, требует от нас накопления определенных рессурсов (и натуральных и валюты), требует от нас, следовательно, перемещения, перераспределения производительных сил между различными отраслями, подкрепления нашей военной промышленности—словом, требует целого ряда мер, которые бы обеспечили нашу независимость от иностранных экономических связей.

Таким образом, международные затруднения в известной мере вытекают из нашего внутреннего роста, из той угрозы, которую представляет факт роста нашего Союза для врагов нашей республики. С другой стороны, возникающие международные осложнения отражаются на нашей внутренней жизни, начиная с хозяйства и кончая чуть ли не всеми сферами политики нашей партии и советской власти.

И вот, товарищи, на этом довольно крутом

историческом перевале, когда мировой империализм готовит на нас военное наступление, на переломе, который связан с *особыми* трудностями, с трудностями крупного масштаба, мы снова видим колебание внутри определенной прослойки нашей партии, колебания, которые нашли свое выражение в обостренной атаке со стороны оппозиции против партийного руководства, против теперешнего партийного большинства, против решений с‘ездов и конференций нашей партии, против той линии, которую ведет партия.

Стало совершенно избитой истиной известное положение, что война есть продолжение политики, только другими средствами, средствами более острыми, более, вульгарно выражаясь, решительными. Поэтому совершенно понятно, что вопрос о войне, о военной опасности, т.-е. о продолжении нашей политики другими, более острыми, средствами, так сказать, сжатыми во времени,—этот вопрос, как и связанные с ним задачи и трудности, в обостренной форме выдвигают и вопрос о наших внутрипартийных разногласиях.

Если правда, что война есть продолжение политики другими средствами, то отсюда вытекает с полнейшей очевидностью, что любая крупная проблема нашей политики, будь то отношение между рабочим классом и крестьянством, будь то отношение между различными слоями крестьянства, будь то отношение к

этим различным слоям, будь то отношение к вопросам нашей международной политики, т.-е. целому ряду дипломатических вопросов,—любой из этих вопросов в обстановке подготовки к военным операциям, в обстановке подготовки к обороне страны встает острее, чем прежде. Следовательно, любое из крупных разногласий между партией и оппозицией по всем этим попросам неминуемо должно было стать в наиболее резкой, в наиболее обостренной форме.

Мы неоднократно давали характеристику „линии" оппозиционного блока, как „линии", продиктованной испугом перед трудностями, как „линии", которая обусловливается почти истерическим страхом, что наша партия и рабочий класс этих трудностей не преодолеют. И совершенно естественно, что в наименее устойчивых слоях нашей партии, особенно в тех незначительных слоях нашей партии, которые имеют уже довольно длительный оппозиционный стаж,—что в этих прослойках нашей партии на таком крутом переломе появилось дрожание. Последние события внутрипартийной жизни и та дискуссия, которая имела место на протяжении работ об'единенного пленума ЦК и ЦКК, целиком подтвердили это положение. В своем докладе поэтому я вынужден все проблемы ставить с точки зрения критики оппозиционных взглядов и защиты взглядов партийного большинства, т.-е. партии в целом.

Оппозиция о балансе нашего развития.

На нашем об'единенном пленуме, только что закончившем свои работы, во всех решительно вопросах, начиная с вопроса о международном положении и о войне, продолжая вопросами хозяйственной политики и кончая проблемою наших внутрипартийных отношений, красной нитью проходила борьба между партией и сравнительно небольшой оппозиционной группой, которая с небывалой резкостью атаковала партийную линию.

Вы помните, это еще после XIV парт-с'езда у нас в партии чрезвычайно горячо обсуждался вопрос относительно того, в какую сторону идет развитие нашей страны, как решается ленинский вопрос—„кто кого", и вы помните, товарищи, что уже в то время оппозиционные товарищи отклонились от ленинского решения этого вопроса. Вы помните бесконечные споры насчет госкапитализма и целого ряда других вопросов, связанных с проблемой строительства социализма в нашей стране и его перспективами, которые представлялись оппозиции в очень печальном свете.

Вот по этому-то вопросу „кто кого" мы услышали со стороны оппозиции на пленуме формулу, гораздо более ясную и гораздо более далекую от общепартийной точки зрения, чем это было раньше. Эта формула дана в сравнительно лойяльной речи тов. Пятакова на пле-

нуме. Тов. Пятаков, анализируя проблему безработицы в нашей стране, выставил такое положение, что эта безработица происходит „прежде всего на основе того, что *наша промышленность, транспорт и городское хозяйство отстают в своем росте от общего роста всего народного хозяйства*". Это положение дано теперь уже со всей отчетливостью.

Легко понять, что это обозначает, легко расшифровать эту формулу. Если правда, что наши командные экономические высоты в своем развитии отстают от совокупного роста всей экономики страны, то это значит, что социалистический сектор нашего хозяйства, по сравнению с остальными секторами, т.-е. капиталистическим и простым товарным хозяйством, отстает в своем развитии. Если бы это было так, то отсюда неизбежно, необходимо было бы сделать вывод, это ленинский вопрос „кто кого" за последнее время решается с минусом для социалистического хозяйственного сектора, т.-е., выражаясь на классовом языке, за последнее время общее развитие в нашей стране уменьшает экономическую мощь рабочего класса, при одновременном увеличении хозяйственной, экономической мощи всех остальных классов, кроме пролетариата. Если это положение в свою очередь перевести на язык политики, то отсюда вытекает с полной очевидностью, что удельный вес рабочего класса, его политическая мощь, его социально-классовая мощь в нашей

стране в общем падает, а тем самым подрываются устои пролетарской диктатуры, устои нашего государства.

В этом тезисе, который сам по себе как будто звенит невинно, уже заранее дана такая оценка нашего хозяйственного развития, которая предполагает то, что на оппозиционном языке обозначает наше „перерождение“, „Термидор“ и т. п.

Если несколько времени назад, ко времени XIV с,езда и к периоду непосредственно после с‘езда, самое это словечко „термидор“ произносилось с известной стыдливостью, то теперь мы дожили до того, что вопрос о термидоре становится со стороны оппозиции совершенно открыто, так сказать, привычно, „без стеснения“.

Между тем, если брать эту фразу всерьез, то из нее нужно было бы сделать в высшей степени значительные выводы, к которым уже понемножку начинает подбираться оппозиция, если только последние события не остановят ее, если ее не остановит наша партия, которая должна положить предел дальнейшему развитию оппозиционной борьбы.

Для партии, для всего нашего могучего партийного организма, для миллиона членов нашей партии, для подавляющего огромнейшего большинства нашего комсомола и, наконец, для каждого из нас, взятого в отдельности, ясно, что мы переживаем в нашей стране период бурного роста. Каждый из нас глубоко убежден

в том, что никогда еще ни в одной стране не было такого широкого под'ема творческой энергии масс. И когда любому из нас приходится говорить с иностранцами, будь то заезжий буржуазный журналист, будь то товарищ-рабочий, каждый из них признает, что хотя мы еще не дошли до главных высот экономически-хозяйственного благосостояния и хотя страна наша еще нищая, но она растет, и растет потому, что революция встряхнула колоссальнейшие массы народа, вовлекла в это движение, прежде всего пролетарские слои, которые в состоянии будут все более и более энергично переделывать нашу старую жизнь на новый лад.

Разве такая оценка положения, разве такое самочувствие не являются действительно элементарными для любого коммуниста? Разве это не звучит для каждого из нас истиной, которая не нуждается, для нас по крайней мере, в доказательстве и которую мы со всею нашей революционной страстностью пропагандировали и обязаны были пропагандировать перед кем угодно и в каких угодно условиях?

Но совершенно естественно, что совершенно по-другому должна выглядеть картина нашего развития и состояния в нашей стране, если исходить из того положения, что наша государственная экономика отступает назад, если исходить из того положение, что у нас по всей линии идет термидорианское перерождение. И вот из этих тезисов о термидорианском перерожде-

нии, о нашем экономическом отступлении и т. д., на пороге подготовки к новой войне наша оппозиция в лице тов. Троцкого выдвинула чрезвычайно любопытное положение, которое характеризует всю систему их взглядов на то, что происходит у нас в стране. Ставя на пленуме вопрос о возможности войны империалистов против нашей страны, тов. Троцкий спрашивал: „возможна ли наша победа на революционном пути?“ и отвечал: „возможна“. Ставил, далее, второй вопрос: „что для этого нужно (для этой революционной победы)?“ И отвечал: „для этого нужно первым делом разогнать *политические сумерки*“.

Следовательно, у нас не только идет отступление по всему фронту в области экономической жизни, как это доказывал тов. Пятаков, у нас не только происходит термидорианское перерождение, как это доказывал тов. Троцкий на Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала и т.т. Троцкий и Зиновьев при разборе их дела в Президиуме Центральной Контрольной Комиссии. Теперь уже дается известная обобщающая мысль, все покрывающая, в которой концентрированно выражается, если можно употребить такой термин, некоторая философия эпохи нашего строительного периода. *Для нас эта „философия эпохи“ есть „философия“ лихорадочно-социалистического строительства, а для тов. Троцкого это есть „политические сумерки“, которые „нужно*

разогнать". Вот так, сходя со ступеньки на ступеньку, начиная с преувеличения некоторых недостатков, обостряя ноты черного пессимизма по отношению к нашему строительству и по отношению к тем процессам, которые в нашей стране происходят, т.т. из оппозиции дали теперь обобщенную характеристику, что происходит в нашей стране, и эта характеристика гласит: „политические сумерки". Само собой разумеется, что для всякого активного и горячего человека, считающего себя революционером, который живет в стране с „политическими сумерками", является сейчас практической задачей эти „сумерки" разогнать,—и все то, что я буду потом вам докладывать, в связи с известной демонстрацией у Ярославского вокзала и т. д.,—это все будет касаться „движения той „метлы", которая—с точки зрения оппозиции—должна разогнать наши „политические сумерки".

Из этой маленькой цитаточки, которую я привел, вы видите, насколько система взглядов оппозиции ушла далеко от партийной точки зрения, как изменилось у людей политическое мироощущение. Если огромное большинство партии работает, засучив рукава, не успевая опомниться от работы, если лучшие элементы, лучшие кадры партии и лучщие рабочие элементы чувствуют, как кровь начинает быстрее вращаться в жилах нашего хозяйственного организма, если они ощущают растущие силы, растущее пролетарское творчество,—если это ощу-

щение растущей силы составляет основной мотив в настроениях рабочего авангарда нашей партии, то этого не чувствуют наши товарищи из оппозиции; для них характерно то, что мы назвали пораженчеством, пессимизмом, неверием в строительство социализма в нашей стране. У них развилось, оформилось, отчеканилось это пессимистическое мироощущение настолько ярко, что для них лихорадочная работа в нашей стране стала невидимой; и тот баланс, который они подводят социалистическому строительству в нашей стране, лидеры выражают понятием: „политические сумерки“.

Оппозиционные „сумерки“ и вопрос о военной обороне СССР.

Совершенно естественно, товарищи, что из таких оценок положения в нашей стране вытекают и специальные выводы в отношении войны. Если, скажем, у нас, у огромного большинства партии, ответом на возрастание опасности войны является безусловное стремление мобилизовать все наши силы и силы международного рабочего класса для обороны страны, то из оппозиционной оценки на пороге войны появляется некоторый вопросительный знак: А какая это будет война? Что она будет обозначать со стороны СССР? А не видно ли того, что эта война принесет нам еще нечто, что еще больше ухудшит положение рабочего класса в этой стране, что еще более резко изменит

политику нашей партии вправо?" В самом деле: если верно, что рабочий класс в нашей стране оттесняется со своих позиций, если правильно, что в нашей стране все более растут термидорианские элементы, которые оказывают все большее влияние на политику нашей партии, которая сама перерождается; если правильно, что у нас государство ведет политику не пролетарскую, а—как выражался т. Троцкий на Исполкоме Коминтерна, как он и т. Зиновьев выражались при разборе их дела в ЦКК—ведет курс на излишние уступки кулаку, если наша партия выражает тенденции устряловско—национально—реформистского порядка, а не ведет международно-пролетарско-революционного курса, то если все это так, так что же будет, если начнется война? Этот вопрос совершенно правомерно задать при анализе проблем военной опасности, если стоять на точке зрения, на которой стоит оппозиция.

Если теперь есть национально-реформистский устряловский уклон руководства нашей партии, если в нашей партии есть много прогнивших термидорианских звеньев, если теперь ЦК нашей партии ведет курс на Устрялова, то что же будет ЦК делать во время войны? Не усилит ли он этот курс еще больше, не пойдет ли во время войны процесс перерождения нашей государственной власти еще быстрее?

Если оценивать наше государство, как оце-

нивает его оппозиция, то нельзя призывать рабочий класс к безоговорочной борьбе за это государство. Такое государство он защищать не пойдет. И на защите СССР—при таких посылках— придется поставить большой знак вопроса.

Более того, отсюда можно сделать и кой-какие другие выводы. Если стоять на той точке зрения, о которой я сейчас говорю, то совершенно ясно, что из этого рано или поздно нужно сделать и дальнейший вывод. Ленин давно уже писал о возможности второго тура войн, о возможности новых войн против Союза Советских Республик. Он выставлял, как известно, положение о том, что выход из этой войны в процессе наших битв с капиталистическими государствами мы, коммунисты, наша партия, будем искать не в буржуазном государстве, а в международной революции, т-е. не в том, чтобы нам самим опуститься на рельсы умеренно-аккуратного, буржуазно-демократического государства, а в том, чтобы превратить борьбу нашего пролетарского государства против интервенции капиталистических государств в процесс международной социалистической революции. Эта постановка вопроса абсолютно правильна, она есть единственно коммунистическая, и тот перестал бы быть коммунистом, кто отказался бы от этой формулировки.

Но для тех, кто думает, будто у нас уже не чисто пролетарская диктатура, хотя бы и с

бюрократическим извращением, а полутермидорианское государство, отсюда вытекает с совершенной неизбежностью следующий вывод: во время войны это государство будет еще более сильно перерождаться и в процессе военных операций будет искать себе выхода не в международной революции, а в том, чтобы, сделав целый ряд уступок своим противникам внутренним и внешним, в особенности внутренним, окончательно пересесть на другой классовый базис и выехать на коньке превращения себя в обычное буржуазное государство.

Эти перспективы маячат перед нашей оппозицией. Тт. из оппозиции ищут любой факт, который хотя бы по видимости подкреплял то, что у них складывается в душе, то, что питается глубочайшим пессимизмом и неверием в дело социалистического строительства. Они хватаются буквально за какой-угодно факт, чтобы сказать: вот именно теперешнее руководство партии и советской власти к этому и ведет; если внутри страны оно ведет кулацкую политику или подходит к тому, чтобы такую политику вести, то в области внешних отношений оно ведет политику с национально-реформистскими тенденциями, т.-е. оно ищет выход не в международной социалистической революции, а в буржуазном государстве и в подступах к этому.

Дескать, исходя из соображений защиты СССР, забывали о рабочем классе, не понимая,

что с каждым днем все больше становились на национально-реформистскую позицию. Почему в англо-русском комитете сидят с Перселем? Вместо того, чтобы иметь дело с международным рабочим классом, держатся за „гнилую веревку“ Перселя.

Из Коммунистического Интернационала выгоняют „крайних левых“ (Маслов, Рут Фишер и т. д.), а в это время сидят с Перселем. И вот получается цельная картина: внутри страны—отступление социалистических элементов, линия на кулачество; в области внешней —„сдвижок“в сторону гнилой поддержки всякой социал-демократической дряни, Перселей, генералитета в Китае.

Само собою разумеется, что если бы все это было правдой, то нужно было бы подумать насчет того, каким образом радикально изменить существующий порядок вещей. С точки зрения настоящего революционера,—если бы было правдой все то, что было наговорено оппозицией, то *вывод первый—раскол партии, вывод второй—свержение правительства и т. д.* Если товарищи до этого еще не дошли, то они ползут к тому, чтобы к этой постановке вопроса подойти.

Я должен заранее сказать, чтобы не было недоразумений, что целый ряд оппозиционных лидеров. и я думаю, что в еще большей степени те оппозиционные товарищи, которые не являются лидерами, а которые являются сторонни-

ками оппозиции, в особенности из рабочих — суб‘ективно, т. е. лично, чрезвычайно далеки от тех выводов, которые вытекают с железной неизбежностью из того, что они говорят.

Наиболее остро ставил вопросы, связанные с проблемой войны, т. Троцкий. Я, товарищи, уже сказал вам, что из оценки положения вещей, как она делается оппозицией, с неизбежностью вытекает скептицизм в отношении защиты СССР. Я назвал бы точку зрения оппозиционных товарищей „условным оборончеством“. Мне представляется точка зрения оппозиции такой: если ЦК изменит теперешний курс на „курс“ оппозиционный, то тогда все будет очень хорошо; такое государство, такой ЦК, такой курс, такую партию можно защищать. Если же он этого курса не изменит, пусть каждый рабочий, батрак, крестьянин спросит себя, нужно ли защищать *такое* государство? На этом и будет проверка.

В письме на имя тов. Орджоникидзе тов. Троцкий писал 11 июля сего года:

> „Что такое пораженчество? Политика, направленная на то, чтобы содействовать поражению „своего“ государства, находящегося в руках враждебного класса. Всякое другое понимание и толкование пораженчества будет фальсификацией. Так, например, если кто скажет, что политическая линия невежественных и бессовестных шпаргальщиков должна быть выметена, как мусор, именно в интересах победы рабочего государства, то он от этого никак еще не становится пораженцем. Наоборот, в данных конкретных

условиях он-то и является подлинным выразителем революционного оборончества: идейный мусор победы не дает".

Другими словами, ЦК нашей партии несправедливо критикует оппозицию. Эта критика является ни чем иным, как идейным мусором, который победы не дает и который в интересах обороны страны необходимо вымести.

Дальше тов. Троцкий приводит пример, иллюстрирующий, как он понимает подготовку „обороны" СССР. Тов. Троцкий пишет:

„Примеры, и весьма поучительные можно было бы найти в истории других классов. Приведем только один. Французская буржуазия в начале империалистической войны имела во главе своей правительство „без руля и без ветрил". Группа Клемансо находилась к этому правительству в оппозиции..." (Это нужно понимать так же, как теперь группа Троцкого находится в оппозиции).

Далее он пишет:

„Несмотря на войну и военную цензуру (понимаете, на что здесь намек?) несмотря даже на то, что немцы стояли в 80 километрах от Парижа (Клемансо говорил: „именно поэтому"), он вел бешеную борьбу против мелкобуржуазной дряблости и нерешительности—за империалистическую свирепость и беспощадность. Клемансо не изменял своему классу, буржуазии, наоборот, он служил ей вернее, тверже, решительнее, умнее, чем Вивиани, Пенлеве и компания. Дальнейший ход событий доказал это. Группа Клемансо пришла к власти и более последовательной, более разбойничьей империалистической политикой обеспечила французской буржуазии победу. Были ли такие французские газетчики, которые называли группу Клемансо пораженцами? Наверно были: глупцы

и клеветники тащатся в обозе всех классов. Но они не всегда имеют возможность играть одинаково значительную роль".

Эту цитату необходимо расшифровать. Что означает этот ответ на вопрос о подготовке к обороне СССР? Троцкий говорил: можно ли считать нас, оппозицию, изменниками своего класса, если мы не хотии признать теперешнего ЦК нашей партии? Нет, нельзя. Можно ли защищать устряловский курс, наполовину термидорианский и руководимое ЦК советское правительство? Нет. Но что же нужно сделать? В интересах обороны страны нужно изменить состав теперешнего правительства, теперешнего ЦК, и тогда можно защищать тот центральный партийный и советский аппарат который получится в результате этого „клемансистского" переворотика.

Или же по-другому, в связи с тем, что мною говорилось в самом начале моего доклада. Если правда, что наш курс, курс огромного большинства нашей партии, нашего теперешнего ЦК, хотя на одну десятую термидорианский, то само собою разумеется, что защищать этакий курс—значит защищать не пролетарское государство, а защищать перерожденцев.

И если наступит война, то эти перерожденцы будут еще более перерождать наше советское государство, нашу партию и пр. и пр. И потому для революции и для спасения ре-

волюции, для защиты СССР в его настоящей форме нужно предварительно теперешний ЦК опрокинуть, теперешнее правительство в его настоящем составе изменить и сменить, т.-е. произвести на свой лад клемансистский переворот в нашей стране, даже в том случае, если бы враг стоял на расстоянии 80 километров от центров нашей революции. Вот с какой постановкой вопроса мы имеем здесь дело.

Но ведь это не есть точка зрения безусловной обороны СССР, а это есть точка зрения якобы „большевистского" клемансизма. Ведь здесь речь для т. Троцкого идет вовсе не о том, что в Центральном Комитете, во главе нашего правительства стоят просто неспособные люди—нет, не в этом дело. Дело заключается в том, что оппозиция не согласна с *политической линией ЦК*, и потому „клемансистский переворот" означает здесь известную политическую классовую передвижку.

Идейные корни оппозиционной идеологии.

Каждый из вас легко поймет, что вся эта „клемансистская" философия упирается в один основной вопрос—в вопрос об оценке того, что происходит в экономике нашей страны, в вопрос о том, правда ли или неправда, что госпромышленность отступает перед частным хозяйством. Мы полагаем, что это абсолютная, сугубая неправда, что это есть абсолютный вздор. Можно было бы привести сейчас целый

ряд цифр, которые показали бы, что удельны вес государственной промышленности повышается, что в области торговли—оптовой и розничной—мы за последний год сделали значительные успехи, что в деле зажима частника мы больше, чем в какой-либо другой год, продвинулись вперед Все отлично знают, что удельный вес нашей государственной торговли и кооперации за последний год значительно увеличился, что в ряде областей мы сбили частника с очень крепких позиций, например, в области хлебозаготовок. За истекший год мы применяли комбинированный метод воздействия на частника, начиная от повышения железнодорожных тарифов и кончая целым рядом мер административного воздействия. Для нас этот вопрос стоит совершенно ясно, у нас нет и тени сомнения в том, что экономическая база нашего государства укрепляется и развивается, что социалистическое развитие опережает часто хозяйственное развитие, а ведь от этого зависит все остальное. Если же это так, то вздором является заявление, что пролетариат отходит в нашей стране на задний план, вздором является утверждение относительно термидорианского перерождения; вздором являются все выводы, которые отсюда вытекают, вплоть до сомнительной „игры" „клемансистской" аналогией.

Но откуда же происходят все эти колебания нашей оппозиции, которые заставили ее

притти к неслыханным антипартийным, можно сказать, антиреволюционным выводам. В настояшее время можно с абсолютной точностью сказать, не погрешая ни на одну иоту перед истиной, что то, что говорил Мясников и „Рабочая Правда“, выдвигали в зародышевой форме некоторые группировки рабочей оппозиции, особенно якобы крайне левые, подходившие к меньшевизму, то повторяет теперь об‘единенная оппозиция во главе с Троцким. Разве из оценок, которые он дает, не вытекает проблема третьей революции, о которой говорила „Рабочая Правда“? Конечно, да. Как рассуждали члены группы „Рабочая Правда“, которая строила нелегальные ячейки в нашей партии для борьбы с партией и советской властью? Они говорили: рабочий класс пришел к власти, а потом эта власть переродилась, потому что в нашей стране много крестьян, и в нашей государственной промышленности зародился класс новой буржуазии, занимающей командные позиции, что пора перейти от лже-диктатуры к настоящей диктатуре, что необходимо проделать еще одну революцию—против существующей советской власти. Вот вам и проблема третьей революции. Такого рода постановки вопроса приветствуют и Каутский, и Леви, и меньшевики из „Соцвестника“. Возьмите столь осатанелого нашего противника, как Каутский. Он даже склонен иногда признать, что мы взяли власть как рабочая партия. Но теперь,—го-

ворит он,—мы превратились, вследствие роста бюрократизма, вследствие террористического режима, прижима и т. п. в государство, которое не лучше, а, пожалуй, даже хуже царизма. А поэтому нас надо свергнуть,—так рассуждает Каутский. Конечно, оппозиция такого прямого вывода не делает (еще бы этого не доставало!), но она уже подползает к меньшевистской или полуменьшевистской постановке вопроса. Надо вымести „термидорианцев“,—говорят они. Но позвольте, ведь Мартов в 1921 году, во время перехода к непу говорил: это есть Термидор, и приглашал Ленина итти все быстрее и быстрее к 18-му Брюмера к бонапартизму. Мартов в 1921 году считал, что неп—это есть экономическая капитуляция большевиков перед буржуазией; что за этой капитуляцией последует политическая капитуляция и что вождь нашей партии Ленин превратится в буржуазного диктатора, в Бонапарта. Теперь, с 1921 года до 1927 года, прошло 6 лет. Повторение этих меньшевистских задов не свидетельствует о большой глубине ума или оригинальности, но оно знаменательно с политической точки зрения, поскольку подобное повторение меньшевистских задов имеет место *внутри нашей партии*.

Приближение оппозиции к меньшевизму об‘ясняется тем, что в основе ее построений лежит троцкистская теория и то, что Зиновьев, Каменев и другие переродились в троцкистов, стали на троцкистские рельсы.

Некоторые наши товарищи из так называемой „ленинградской оппозиции", Зиновьев и другие, а также Каменев считают, что разговоры о том, что Троцкий сохранил в своей идеологии *кое-что* от меньшевизма, являются вздором. Они считают недопустимым „копаться" сейчас в историческом прошлом Троцкого. Каменев на пленуме ЦК и ЦКК в своей речи говорил: „Был исторический троцкизм, этот исторический троцкизм боролся с большевизмом, но он уже изжил сам себя,—именно поэтому мы идем теперь вместе с Троцким".

Правда ли это? Так ли обстоит дело? Верно ли, что Троцкий стал настоящим большевиком? Конечно, мы ставим этот вопрос не за тем, чтобы „подсидеть тов. Троцкого или задеть его лично. Это ни капельки нас не интересует. Но нас интересует,—и, мне кажется, должно интересовать каждого члена партии,—чем об'яснить тот факт, что в течение целого ряда лет—и когда Владимир Ильич был жив, и после его смерти особенно—Троцкий все время атакует нашу партию? Нет ли здесь какого-нибудь корня? Прав ли Каменев, что Троцкий изжил свой „исторический троцкизм"? Нет, не прав. Троцкий, несомненно, сохранил в себе *старого* Троцкого. Его старые черты были менее заметны, когда революция шла в бурных формах, в период непосредственного восстания или в период гражданской войны—когда эти черты стирались, отходили на задний план. Но

теперь, в период упорного систематического строительства социализма, эти старые ошибки Троцкого вновь выпирают на первый план. В протоколах ЦКК, помеченных 27 числом июня текущего года, товарищ Троцкий так определяет свою теперешнюю и прошлую политическую физиономию. Он пишет:

— Я... по многим вашнейшим вопросам боролся против Ленина и большевистской партии, но *меньшевиком я не был*. Если понимать меньшевизм как политическую классовую линию —а только так и надо его понимать,—то *меньшевиком я не был с середины 1904 года, Никогда я в вопросе о роли классов в революции не сходился с меньшевизмом.*

Так пишет или, вернее, говорит т. Троцкий теперь. Троцкий заявил, что с 1904 года он „никогда не был меньшевиком в вопросах, касающихся оценки классов", т.-е., другими словами, Троцкий считает тот факт, что он поддерживал „ликвидаторов", что состоял с меньшевиками в августовском блоке, сравнительно второстепенными фактами, имеющими отношение только к организационному вопросу, а вот в вопросе об оценке классов он, дескать, не был с 1904 года с меньшевиками.

Вот как нынешний Троцкий оценивает прошлого „исторического" Троцкого. Правда ли то, что говорит здесь тов. Троцкий? Нет, неправда. Троцкий был с меньшевиками в оценке классов. Не кто иной, как Ленин писал об этом с полной точностью.

Вот что, например, писал Ленин в ноябре 1915 года в статье „О двух линиях революции“:

„Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии. От этой задачи уклоняется организационный комитет (меньшевиков *Н. Б.*), который в России остается верным союзником „Нашего Дела“ и за границей бросает ничего не значащие „левые“ фразы. Эту задачу неправильно решает в „Нашем Слове“ Троцкий, повторяющий свою „оригинальную“ теорию 1905 г. и нежелающий подумать о том, *в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории...*“.

„*Оригинальная теория Троцкого берет* у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а *у меньшевиков „отрицание“ роли крестьянства*“.

„Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под „отрицанием“ роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию“.

Вот как Ленин ставил вопрос —Он говорил: в отношении завоевания власти рабочим классом —Троцкий с большевиками, в вопросе об отношении к крестьянству —Троцкий с меньшевиками.

А что такое оценка крестьянства? Разве это не оценка одного из важнейших классов? Конечно, да. Я привел только эту цитату, но разве из нее не вытекает с полной очевидностью, что Ленин считал, что Троцкий на протяжении большого периода времени, после 1904 г., в оценке роли одного из важнейших

классов—крестьянства—шел вместе с меньшевиками, что он давал этой роли меньшевистскую оценку. Ведь это написано черным по белому.

И если сейчас Троцкий приходит к нам и говорит: „Я никогда не был с меньшевиками в вопросе оценки классов“, то что это означает с точки зрения совершенно спокойного анализа? Это означает, что тов. Троцкий до сих пор, до июня 1927 года, не понял какую громадную ошибку он делал в основном, существенном вопросе, в вопросе об оценке роли крестьянства. Троцкий не понял, что в этом вопросе он был и остается, до известной степени, поскольку он не признает своих старых ошибок, с меньшевиками. Мне кажется, товарищи, поскольку Зиновьев, Каменев и др. товарищи из бывшей „ленинградской оппозиции“ говорят, что Троцкий сейчас является совершенно другим, чем был в период своего контакта с меньшевиками, поскольку они, следовательно, солидаризируются с приведенными выше заявлениями Троцкого на президиуме ЦКК, поскольку они покрывают троцкизм, постольку они сами того не замечая, переходят на позицию Троцкого в этом важнейшем политическом вопросе. Отсюда вытекает и все остальное. Разве Троцкий, исходя из приведенной оценки роли крестьянства, не утверждал, что большевики, держащие курс на смычку пролетариата с крестьянством, ведут де политику „самоогра-

ничения пролетариата“ („не чисто классовую линию“, как теперь говорится), имея „гарантию“ в лице антиреволюционного сотрудника — мужика. Так характеризуется политика блока рабочего класса с крестьянством. Тов. Троцкий еще тогда „предсказывал“, что большевики пристегнут к рабочему классу антиреволюционного мужика, сделают его своим сотрудником и на этом сломят себе голову, развивая после завоевания государственной власти рабочим классом свои внутренние антиреволюционные свойства. Вот и теперь, когда тов. Троцкий недостаточно понял, — вернее, не понял — всю глубину тогдашней своей ошибки, этот червь сосет его все время. Какова его оценка положения? У него так же, как и у примкнувших к нему Зиновьева, Каменева и др. — такая оценка, которая его роднит в значительной степени с социал-демократами. Это та оценка, о которой мы неоднократно говорили в дискуссии во время XIV с‘езда. Мы, мол, страна отсталая, у нас масса крестьянства, рабочий класс только маленькая прослойка, мы не сможем сами построить социализма, мы можем только отсиживаться, мы можем выбрасывать уступку за уступкой своим полусоюзникам или прямым своим врагам. В 1921 году мы выбросили большую кость крестьянству и нэпманам, чем удержали в своих руках власть. Мы должны были далее кость за костью выбрасывать своим классовым противникам, чтобы усидеть у власти.

Ко времени XIV конференции, дескать, была выброшена еще одна кость, со времени XIV с'езда—еще одна кость и т. д. Таким образом мы делаем уступку за уступкой для того, чтобы спасти себя как политическую власть, все время подмываемые враждебными нам группами и в первую очередь крестьянством. Так как международная революция не приходит, то мы гибнем и тонем как власть пролетариата. Из той предпосылки, что мы сами в нашей отсталой стране не можем построить социализма, что у нас нет достаточных *внутренних* сил для построения социализма, из той же предпосылки, которая является социал-демократической, вытекает у Троцкого, что мы гибнем, что мы перерождаемся, что перерождается партийное руководство ЦК и пр., что этот процесс исторически неизбежен.

Из этой оценки вытекает и „клемансистская" ориентация в случае войны. Если большевистский ЦК с устряловским уклоном будет руководить государством во время войны, то он еще резче, мол, будет гнуть на устряловщину, еще больше будет делать уступки кулаку, нэпману и т. д. и т. д и будет искать выхода *не в международной революции, а в устряловском национальном реформизме.* Поэтому смелые, решительные „пролетарские революционеры" должны быть такими же смелыми в деле изменения государственного руководства, каким смелым и решительным был Кле-

мансо по отношению к дряблым слоям буржуазии и т. д. Это-де есть единственный курс, который может спасти пролетарскую революцию и т. д. и т. д.

Под всем этим „планом" лежит неленинская оценка классовых отношений, кроется полное непонимание смычки рабочего класса с крестьянством, уверенность в невозможности строительства социализма в нашей стране, из чего вытекает уверенность, что мы обречены на обязательное перерождение, если не будем теперь же иметь государственной помощи со стороны победившего рабочего класса других стран.

По форме подобная концепция выглядит очень радикально: крепче нажимайте на кулака, выкидывайте всякий термидорианский мусор и т. д. Но это только видимость. Сердцевина этой идеологии—прогнившая. Сердцевина этой политической идеологии заключается в том, что мы отступаем, что мы биты, что мы перерождаемся, что мы идем не вперед, а назад, что рабочий класс не может вообще в нашей стране встать твердо на ноги и экономически и политически, т.-е. вся эта теория опирается на социал-демократическую посылку о том, что рабочему классу по сути дела не стоило браться за оружие в Октябре, потому что в нашей отсталой стране не может быть речи о социалистической революции, потому что наша революция могла быть только бур-

жуазной, потому что это есть „бакунинско-ленинский“ утопический вздор в такой отсталой стране, как Россия, делать социалистическую революцию и т. д.

Вот эта социал-демократическая отрыжка через каждый год или через каждые 6—8 месяцев прорывается у т. Троцкого, и вот эта самая отрыжка, этот винегрет социал-демократических идей преподносится нашей партии в качестве последнего откровения троцкизма, призванного спасти погрязший в термидорианстве пролетарский мир. Мы должны, к сожалению, констатировать, что такие старые большевики, как т.т. Каменев, Зиновьев и проч., запутались в этих тенетах троцкизма, совершенно не понимая, что, по сути дела, у них ничего от ленинской постановки вопроса не осталось.

И если наш Центральный Комитет так уверенно защищает теперь свои позиции, то он делает это в глубокой убежденности, что мы благодаря правильной линии по отношению к крестьянству за последние полтора года изменили соотношение классов в нашей стране, но не в ту сторону, о которой думает оппозиция, а в другую сторону—*с плюсом для пролетарской диктатуры*. Если у нас ко времени XIV конференции и XIV партийного с‘езда почти из всех деревень получались тревожные слухи о том, что крестьянство настраивается против нас (тогда т. Зиновьев готов был отступать

безмерно, он готов был создавать фракции беспартийных крестьян и т. д. и т. п.), то теперь наша партия и ее Центральный Комитет, благодаря правильной ленинской политике по отношению к крестьянам, одержали величайшую победу на этом фронте, упрочив блок рабочего класса с крестьянами, укрепив пролетарскую диктатуру в нашей стране и тем самым создав важнейшую гарантию нашей победы в случае нападения на нас со стороны империалистических держав. Ибо совершенно вздорной является мысль о сколько-нибудь победоносной обороне СССР против империалистических держав без укрепления рабоче-крестьянского блока. Таким образом, благодаря не троцкистской, не оппозиционной, а ленинской постановке вопроса о рабоче-крестьянском блоке наш ЦК, наша партия и правительство СССР достигли за последние $1^{1}/_{2}$—2 года величайших успехов и тем самым по-ленински готовились к обороне нашей страны.

Из заявления оппозиции вы знаете, как она отступила в вопросе о Термидоре. Оппозиция пришла на об'единенный пленум с атакой против ЦК, с обвинением, что ЦК нашей партии держит термидорианский курс. Однако, в результате дискуссии на пленуме по вопросам о Термидоре, оппозиция почувствовала себя разбитой, даже, можно сказать, идейно разгромленной. Под ударами пленума оппозиция от такой постановки вопроса о Термидоре отсту-

пила, приняв формулу о том, что Термидор существует, но не в ЦК нашей партии, а в стране. Вы отлично понимаете, какое значение имеет такая „смена вех“. Если я говорю что термидорианство в ЦК—это значит, что перерожденцы сидят в ЦК. Если же я говорю—в стране есть элементы Термидора, это значит я говорю, что антиреволюционные элементы существуют в стране. Разумеется, силы контрреволюции в стране есть, у нас классы не уничтожены, у нас существует буржуазия, есть новая буржуазия, существует кулачество, есть элементы буржуазной интеллигенции, враждебно к нам настроенной и т. д. Отойти от тезиса, что Термидор сидит *в пределах ЦК*, к тезису, что термидорианские элементы есть в *стране*, это довольно большое отступление. Наша оппозиция, однако, оставила в своей формулировке лазейку, которая является запасным родом оружия для дальнейших атак на партию, когда сказала что ЦК не оказывает достаточного сопротивления термидорианским элементам в нашей стране.

Так отступила оппозиция и в вопросе о Термидоре, и в вопросе о защите СССР, и в вопросе о „клемансизме“. Оппозиция в результате дискуссии на пленуме ЦК должна была ясно сказать, что она стоит за безусловную оборону нашего социалистического отечества. Она сказала, что стоит за безусловную защиту СССР, но не отмежевалась с необходи-

мой решительностью от „клемансистского" тезиса Троцкого, ибо она не хотела выдавать с головой своего лидера—Троцкого.

Полное и безоговорочное отступление оппозиции по всем этим вопросам будет означать ее отказ от принципов троцкизма. К этому отказу партия зовет всех оппозиционеров.

Блок оппозиции с исключенными из Коминтерна.

Теперь я, товарищи, перехожу к вопросам, лежащим в смежной области между вопросами обороны нашей страны и деятельности Коммунистического Интернационала, а также к относящимся сюда предложениям нашей оппозиции. На вопросе о положении наших братских партий я в этом настоящем докладе останавливаться не буду, потому что эта сторона дела довольно полно освещается в нашей периодической печати. Но я считаю необходимым остановиться на вопросе об отношении оппозиции к политике Коминтерна, об ее отношении к исключеным из Коминтерна группам.

Вы знаете товарищи, что в числе вопросов, которые ЦК поставил перед нашей оппозицией, был вопрос об отмежевании от группы Рут Фишер и Маслова в Германии Вопрос о группе Рут Фишер имеет свою историю. Несколько лет назад было опубликовано письмо германской компартии, в котором политически обосновывалось отстранение Рут Фишер и Маслова

от руководства германской компартией, отстранение, с которым был согласен тогда и тов. Зиновьев. Как мы тогда — вместе с тов. Зиновьевым — характеризовали эту группу, которая явным образом отходила от Коминтерна? Каждый может прочесть резолюцию VI пленума Коминтерна, который проходил под прямым руководством тов. Зиновьева, где было прямо сказано, что группа Рут Фишер и Маслова дает антибольшевистскую оценку политики СССР, антиленинскую, антибольшевистскую оценку политики Коминтерна, распространяя легенду о том, что Коминтерн идет „вправо". Вот с чего началось. После этого группа отходила от коммунизма все дальше. Тов. Зиновьев был согласен, что политика этой группы — антиленинская, антибольшевистская политика. Рут Фишер и Маслов были исключены из партии. Когда произошел фактический раскол в германской компартии, „ультра-левые" организовали свою партию и стали издавать антикоммунистическую газету — „Знамя Коммунизма" („Die Fahne des Kommunismus). Это-то „Знамя Коммунизма" и стало теперь центральным органом нашей оппозиции.

Оппозиционная запись 84 уже печатается теперь в этом антиреволюционном листке. Нет ни одной значительной речи, произнесенной кем нибуть из „ультра-левых" лидеров нашей оппозиции, которая не попадала бы в это издательство. Издательство их печатает, да еще

продает по удешевленной цене. „Ультра-левые“ стали теперь зиновьевско-троцкистской партией, которая получает директивы от нашей оппозиции и руководится ею.

Правда, в „Знамени Коммунизма“ печатаются не только статьи и речи Зиновьева и Троцкого, но и собственные доморощенные произведения Рут Фишер и Маслова. В этих последних прямо пишется, что у нас правит сталинская фракция, а не партия, что ЦК — организация термидорианцев, что Сталин — Носке, т.-е. палач рабочих, и т. д. Одно время был взят решительный курс на то, чтобы поливать изо всех сил помоями СССР. За последнее время было несколько изменена тактика—прямо СССР не поливают, потому-что рабочие засвищут, но зато говорят: мы должны лечь костьми за СССР, но коммунистическая партия руководится там своими Носке, Шейдеманами и т.д. Защитите-ка при таких условиях СССР! Ведь наша партия неотделима от СССР. Так как на СССР на рабочем собрании нападать невыгодно, то обстрел ведется против *партии*.

Вот так, например, характеризовалась наша партия „ультра-левыми“ контреволюционерами в конце прошлого года.

„Фактически *большевики*, это—управляющие, это *исполнительный комитет имущих классов*, которые благодаря введению капитализма бескровным путем пришли к власти“.

Совсем недавно—в июле—орган Рут Фи-

шер—Маслова так характеризовал политику нашего партийного руководства.

> *„Вся политика теперешних руководителей СССР выращивает контрреволюцию.* Контрреволюция выращивается легально“.

Ну чем не „защитники“ СССР?

В заявлении от 16 октября оппозиции писала, что она берет торжественное обязательство ни прямо, ни косвенно не поддерживать эту группу исключенных. Теперь она „сдержала“ это обещание таким образом, что центральный орган этой партии превращает в *свой* центральный орган.

С другой стороны, оппозиция поддерживает правую группировку Суварина—Моната—Росмера во Франции, издающую бюллетень „Коммунист“ и журнальчик, который называется „Пролетарская Революция“. В одном из последних номеров этого бюллетеня, издаваемого Сувариным, говорится, что СССР уже не рабочее государство, что у нас остались лишь социалистические тенденции, говорится относительно кулацкой линии партии и всех прочих „прелестей“.

Французские правые говорят в общем то же самое, что говорят германские „ультралевые“.

При этом не лишне отметить, что орган Суварина пользуется материальной поддержкой, исходящей из буржуазных источников, что доказано документально.

Получается так, что оппозиция „срастается“ с исключенными из Коминтерна антиреволюционными элементами, ведущими борьбу против коммунистов Германии и Франции, Выходит так, что оппозиция пользуется органом антиреволюционной партии для нападения на нашу партию и Коминтерн.

Вы помните, товарищи, что в заявлении от 16 октября лидеры оппозиции давали торжественное обещание отмежеваться от исключенных из Коминтерна. Но они не только не отмежевались от них на деле, но вступили с ними в теснейшие идейные и организационные связи. Теперь они должны были по этому вопросу отступить и заявили, что они организационно от этих исключенных отмежевываются, но подчеркивают, что делают это по приказу, что надо вернуть исключенных в ряды Коминтерна и т. д. Можно ли считать заявление оппозиции в этой части удовлетворительным? Ни в коей мере. Мы должны не забывать, что и здесь оппозиция оставила против партии „камень за пазухой“.

Проблема китайской революции.

Я хочу теперь остановиться на некоторых проблемах китайской революции. Мне кажется, главное, что разделяет нас с оппозицией и что должен понять каждый член нашей партии это то, что *в китайской революции нельзя было действовать точно так же, как действовали*

большевики в 1905 г. Если этот вопрос понять во всей его глубине, то тогда чрезвычайно легко можно увидеть, насколько наша тактика в китайской революции была правильной (хотя дело здесь не обошлось без частичных ошибок) и наскодько неправильной была „линия“ нашей оппозиции, которая состоит именно в том, что требует для китайской революции точно такой же тактики, какая была у нас в революцию 1905 года.

Прежде всего я хотел бы поставить перед вами вот какой вопрос. На первый взгляд кажется, что аргументация оппозиции как будто имеет некоторую видимость убедительности. При той политике, которую вел ЦК, вел Коминтерн, революция как никак потерпела временное поражение. А когда люди, организации, классы терпят поражение, невольно встает вопрос: не виновата ли в этом та политика, та тактика, которая велась. Самый факт поражения создает известную склонность к переоценке той тактики, которая велась.

Затем, ведь может казаться, что оппозиция рассуждает необыкновенно радикально, как будто по большевистски. В самом деле, что говорит оппозиция? Она говорит: на кой чорт нужно было якшаться со всякой буржуазией? Нужно было вести „чисто классовую“ „пролетарскую“ линию, создавать с самого начала советы, как у нас, а не якшаться с гоминданом, со всякими генералами, как Чан Кай-ши и другие, не вести

меньшевистской тактики блокировки с буржуазией, которая привела к поражению. Нужно было вести прямую, честную классовую линию, без блоков с буржуазией,—тогда все было бы хорошо.

Это звучит, товарищи, чрезвычайно радикально и даже кажется убедительным для людей, которые не ставили перед собою вопроса об особенностях китайской революции, которые не читали того, что говорил тов. Ленин об особенностях национальной революции в колониальной стране.

Я должен повторить то, что я говорил на пленуме ЦК в своем докладе: события в Китае первый раз поставили перед нами *во весь рост* проблему революции в полуколониальной стране. До сих пор мы разрешали тактические проблеми, связанные с разными революциями: германской, австрийской, венгерской, наконец, нашей революцией. Должен сказать, что в общих чертах мы, разумеется, ставили проблему и восточной революции, но не во всей ее конкретности, без разрешения того, *как ее делать,* при каких условиях, *с какими* лозунгами и т. д.

Я прежде всего выдвигаю такой довод, который стоит в центре оппозиционной аргументации. Всем известно, как тов. Ленин подходил к вопросу о буржуазно-демократической революции в России. Когда мы спорили с меньшевиками, как они рассуждали относительно нашей революции? Они говорили так: револю-

ция эта есть буржуазная революция. Она направляется против феодального режима, против царского самодержавия. Раз эта революция буржуазная, значит, буржуазия должна быть революционной силой, значит рабочий класс должен эту буржуазию поддержать, рабочий класс должен итти на соглашение, на блок с либеральной буржуазией. Отсюда вытекала меньшевистская тактика поддержки кадетов на выборах, тактика блока с кадетами, тактика таких лозунгов, как лозунг—ответственное министерство.

Что говорили большевики и как ставил вопрос Ленин? Тов. Ленин говорил: революция в нашей стране буржуазная, это верно, но рабочий класс должен, в союзе с крестьянством, вести эту революцию против буржуазии, потому что в нашей стране, благодаря особым историческим условиям развития, при которых буржуазная революция происходит с огромным запозданием, рабочий класс уже выступает как самостоятельная сила, наша либеральная буржуазия неизбежно изменит с самого же начала революции, и поэтому задачей пролетарской партии является не блокирование с либеральной буржуазией, а разоблачение либеральной буржуазии, и не поддержка либеральной буржузии, а прямая борьба с нею.

Меньшевистской линии—блоку пролетариата с либералами—большевики противопоставили блок рабочего класса и крестьян против цариз-

ма и контрреволюционной либеральной буржуазии. И вот тов. Троцкий и оппозиция эту большевистскую тактику 1905 г. переносят на китайскую революцию и говорят: „Ведь большевики учили, что необходима борьба с либеральной буржуазией, а вы что? Вы шли на блок с либеральной буржуазией. Поэтому большевики *в конце концов* были победителями в российской революции, а вы проворонили и потерпели крах, взлелеяли изменников, предавших китайскую революцию, ибо вы вели меньшевистскую линию".

Вот главный аргумент тт. Троцкого, Зиновьева и целого ряда других оппозиционных товарищей. Эта аргументация, повторяю, имеет все признаки внешней убедительности и этой своей внешней убедительностью она может кое-кого подкупить Но, товарищи, дело в том, что по отношению к китайской революции не по-ленински, неправильно применять точка в точку тактику которую применяли большевики в революцию 1905 года.

Когда тов. Зиновьев на мою аргументацию говорит, что Бухарин считает ленинское учение о демократической революции неприменимым в Китае, он, мягко выражаясь, делает известную передвижечку, потому что сам Ленин по отношению к буржуазной революции в колониальных странах дал нам определенную тактическую линию, которой мы и придерживаемся, и насчет этой линии я и должен с вами сейчас

поговорить. Еще на II конгрессе Коминтерна перед нами стал вопрос о колониальных странах. Тов. Ленин говорил о тезисах по колониальному вопросу следующее:

„Что является самой важной, основной идеей наших тезисов?

Различие между угнетенными и угнетающими народами; мы подчеркиваем это различие в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии; для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактного положения, а из явлений конкретной действительности“.

Таким образом, тов. Ленин ставит во главу угла различие между империалистической страной и страной колониальной. Если во главу угла ставится различие между страной империалистической и колониальной, то ясное дело, что это об'ективное различие каким-то образом должно сказаться и на тактике, и весь вопрос только в том, — ***каким образом и в каких*** формах.

Как тогда тов. Ленин формулировал это тактическое различие? Я сделаю скачок в отдаленное прошлое, когда многие—в том числе и я—делали ошибку в таком вопросе, как национальный, и когда Ленин раз'яснил нам нашу ошибку. Напомню вам эпизод, который я напоминал уже на заседании пленума ЦК.

Во время мировой войны под боком велико-

британского правительства в Ирландии начался мятеж. Вы помните, что тогда было большое ирландское восстание, которое затем было потоплено в крови англичанами, при чем во главе его (Ирландия—страна, угнетенная Великобританией) стоял не пролетариат, а стояла радикальная ирландская буржуазия, во главе с известным де-Валерой. Это восстание было не пролетарское, хотя рабочие его поддерживали, а это было восстание угнетенной нации против империалистов, против английск. империализма.

Как отнеслись к этому факту различные группировки среди коммунистов?

Радек написал статью, где он говорил, что ирландское восстание—„путч",—дело не пролетарское, что нам до него дела нет, что оно обречено на поражение, что проводится внеклассовая линия, что во главе стоит радикальная буржуазия и т. д.

Что писал против подобной оценки Ленин?

Он говорил, что писать так значит поддерживать английский империализм против восстания угнетаемой нации, хотя и не пролетарского восстания, но разрушающего империалистическую систему. Он утверждал, что относиться так к ирландскому восстанию значит помогать английским шовинистам. Он говорил, что пролетарская партия, которая следует традициям Маркса и Энгельса, должна была поддержать это восстание потому, что это было восстание угнетенной нации против угнетающей нации.

А если мы перейдем опять к китайским делам и спросим: в чем же сказывается различие между страной империалистической и колониальной *в первую очередь*, то мне кажется, что мы должны сказать,—конкретно это сказывается вот в чем: в силу того что перед нами не империалистическая страна, а полуколониальная, в силу этого *расстановка классов в этой отране в определенный период революции не может быть похожа на расстановку классов в стране империалистической.* Или скажу более популярно и конкретно. У нас либеральная буржуазия чуть-чуть пищала против царского режима, но она не была способна на решительные действия против царского режима. Когда наша кадетская партия с оружием в руках выступала против царизма? Никогда. Когда либеральная буржуазия выступала с решительным протестом даже против царского режима? Никогда. Уже такое массовое выступление, как наша октябрьская стачка 1905 года, сразу отшатнуло всю либеральную буржуазию. Даже такое выступление ее испугало.

Возьмите вы теперь обстановку китайской революции, имейте перед своими глазами не только то, что сейчас происходит, но и то, что происходило в 1911 г. Вспомните то, что происходило со времени низвержения императорской власти Китая и со времени первой республики, основанной Сун Ят-сеном. Вспомните следующую стадию развития—период первого

кантонского правительства. Вспомните период Северного похода. Я спрашиваю,—должны ли мы исходить из об'ективного анализа классовых отношений? Верно или не верно то, что китайская буржуазия выступала против империалистов, помогая на известной стадии стачечному движению, выступая с оружием против феодалов, против империалистов? Я утверждаю, что такая стадия в развитии китайской революции была. Это факт. Кантонское правительство не было, как писал Радек, „рабоче-крестьянским", оно не было, как писал Радек, „другом рабочих". Разве не факт, что будущий палач рабочих, Чан Кай-ши, провел весь Северный поход отчасти и в первую очередь против китайских феодалов и отчасти против империалистов, которые этих феодалов поддерживали? Примерно с 1911 г. были такие фазы революции в Китае, когда китайская буржуазия играла активную революционную роль, сражаясь с оружием в руках, потому что армия была под буржуазным командованием. И Чан Кай-ши, который проделывал Северный поход был выразителем интересов буржуазии, а не трудящихся, рабочих и крестьян. Эта буржуазия могла в течение целого ряда лет играть революционную роль, потом она стала палачом рабочих и крестьян и стала играть контрреволюционную роль.

Есть разница между нашими кадетами и этой революционной буржуазией в Китае? Есть.

Спрашивается теперь: почему это так было?

Это было как раз потому, что в России мы имели буржуазно-демократическую революцию в стране *империалистской*, а в Китае мы имеем буржуазно-демократическую революцию в стране *полуколониальной*. И китайская буржуазия сильно заинтересована в том, чтобы сбросить империалистское иго. Совершенно естественно, что *нужно было гораздо больше раскачать массу и напугать эту буржуазию, чтобы заставить ее отойти в лагерь контрреволюции, чем для кадетской буржуазии нашей страны.*

Именно отсюда вытекала возможность того, что китайская буржуазия играла в течение ряда лет активно революционную роль и только потом превратилась в контрреволюционную силу. Скажут, что надо было предвидеть заранее измену и т. д. Вспомним пример из истории российской революции. Эсэры играли когда-нибудь революционную роль? Играли. Допустимы были с ними блоки? Допустимы. Мы в 1905—6—7 гг. заключали блоки с эсэрами. А если кто-нибудь сейчас из коммунистов предложил бы заключить блоки с эсэрами, что бы мы сказали? Для нас важно понять, что в Китае, именно потому, что там колониальная страна, буржуазия в течение ряда лет могла играть об'ективно революционную роль. Поэтому никто иной, как Владимир Ильич, по поводу отношений к буржуазии колониальных стран, в противоположность отношениям к бур-

жуазии в такой революции, какая была у нас в 1905 г., писал следующее:

„Коммунистический Интернационал должен вступать во *временные соглашения, даже в союзы, с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с нею, а безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме*".

И Ленин даже дал формулу, когда можно вступать в соглашения и союзы. Он точно сказал, когда и при каких условиях можно вступать в соглашение с буржуазно-освободительным движением. Он писал:

„Мы, как коммунисты, лишь в том случае должны будем поддерживать буржуазно-освободительные движения в колониальных странах, *когда эти движения действительно революционны*".

И пояснил дальше, что это значит:

„*Когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы экплоатируемых*".

Мне тов. Зиновьев во время дискуссии говорил, что здесь под буржуазной-демократией разумеется крестьянство и что в этом и заключается весь кунстштюк. Это вздор, потому что из этой цитаты, где сказано об условиях соглашений и союзов, ясно вытекает, что мы, коммунисты, должны поддерживать буржуазно-освободительные движения в колониальных странах, когда представители буржуазии не будут мешать нам воспитывать пролетариат и *крестьянство*. Следовательно, мы воспитываем крестьянство, а буржуазно-демократическое движение может или

воспретить воспитывать крестьянсто в революционном духе или наоборот, позволить нам. В последнем случае мы должны и обязаны вступать с ними в союз.

Разве это та тактика, которую Ленин рекомендовал для императорской России? Конечно, не та.

Один из оппозиционных героев, известный вам Сафаров, в своей книжке по национальному вопросу писал, что „колебание в вопросе о поддержке национальной буржуазии в колониальных и полуколониальных странах обозначает великодержавный шовинизм“. Теперь он позабыл, что он это писал, но буквально это стоит в книжке Сафарова. На первый взгляд кажется, что платформа оппозиции крайне радикальна, но на самом деле здесь есть, несмотря на всю радикальность, социал-демократический уклон, потому что социал-демократы рассуждают так: „Вот вы возитесь с националистическим движением, а между тем оно в колониальных странах не чисто пролетарское и т. п.“. А для нас, с точки зрения коммунистической, речь идет только о том, чтобы обязательно использовать движение. направленное против империализма, и мы заинтересованы в этом движении даже тогда, когда оно на первой стадии своего развития руководится и непролетарскими элементами, точно также, как мы были заинтересованы в движении, когда ирландская буржуазия вела за собой ирланд-

ских рабочих и крестьян, выступая против английского империализма. Мы заинтересованы подобных движениях потому, что это *расшатывает империалистическую машину, потому что это об'ективно полезно для развязывания сил народной революции.*

Если бы даже сам чорт выступал против империалистического божка, то и тогда мы должны были бы сказать ему спасибо. (Смех). Но жизнь, товарищи, сложнее обыкновенной теории, и вот вся сложность китайской проблемы и заключается в том, что дело началось с того, что китайская буржуазия сначала вела народ против империалистов и против феодалов. Она способствовала развязыванию народных сил, она помогла выходу народа на самостоятельную арену, в этом лежит оправдание нашей тактики соглашения с буржуазией на определенном этапе развития революционного движения. В чем выразилось это соглашение? За последние годы это соглашение выразилось в том, что коммунистическая партия поддерживала Северный поход Чан Кай-ши из Кантона в Шанхай. И мы от этого выиграли. Мы выиграли то, что по мере продвижения этой кантонской армии от Кантона до Шанхая, в это время либеральная буржуазия позволила нам сорганизовать массы в революционном духе, так что продвижение кантонской армии на север сопровождалось невиданным, неслыханным ростом революционных сил и ростом массового движения. За этот

именно период выросли в колоссальном об'еме рабочие союзы, за этот именно период распространилось крестьянское движение, которое организационно охватило 10 слишком миллионов людей. Мы, как партия пролетариата, поддерживали эту кантонскую армию против феодалов, против империалистов. В это самое время буржуазия не препятствовала нам воспитывать рабочих и крестьян в революционном духе, так что в этом походе все время шла организационная работа, которая вселяла доверие к коммунистам. Это главное, чего мы добились. Когда мы сейчас говорим о поражении китайской революции, приходится сознаваться, что это крупное поражение. Но мы не должны забывать и того, что в то же самое время мы имеем победы: во-первых, империалисты не улучшили своих позиций в Китае, несмотря на то, что Чан Кай-ши стал расстреливать рабочих, а, во-втооых, мы подняли колоссальные массы народа, которых мы не смогли бы поднять, если бы не поддерживали северного похода, если бы мы этого временного соглашения, о котором говорил тов. Ленин, не заключали.

Представьте себе, если бы Чан Кай-ши повел этот Северный поход, двинулись бы войска с Кантона на север, а мы бы стали восставать против этих кантонских войск, не пошли бы на соглашение с национальной буржуазией, открыто об'явили бы ей беспощадную войну, ни в какой блок не вступали бы с ними.

Разве это было бы выгодно для нас? Конечно, это было бы нам невыгодно Мы должны были еще раз расправить свои крылья, поддержать кантонскую армию. Без этого мы не получили бы нужного нам под'ема колоссальных народных масс.

Это—та тактика, которую указывает нам тов. Ленин. Но вот когда эти силы, поднимающиеся так быстро, начали пугать ту самую буржуазию, которая была нашим союзником, когда стало видно, что эта буржуазия начнет завтра же перекидываться на сторону наших врагов, мы должны были заранее подготовить новые условия борьбы, подготовить новый мостик, подготовить народ к этой измене, разоблачать изменников, что мы и сделали. К сожалению, в ту пору мы об этом в русских газетах *писали* гораздо меньше, чем мы на самом деле *делали*. На измену же мы ответили сменой лозунгов.

Итак, товарищи, я сгруппирую все, что касается общей установки. Здесь могут быть три линии: а) во всех случаях соглашение с буржуазией; б) оппозиционная линия: никогда, ни при каких условиях не итти на соглашение с либеральной буржуазией; в) настоящая, единственно правильная ленинская линия заключается в том, чтобы на определенных этапах поддерживать буржуазное освободительное движение, поскольку оно является действительно революционным. Это движение является таковым

потому, что оно позволяет нам воспитывать массы в настоящем революционном духе, массы рабочих и крестьян. И вот, если вы с этой точки зрения будете рассматиивать ход китайской революции, вы увидите, что мы поступали по-ленински.

Мы были в соглашении с либеральной буржуазией и даже с Чан-Кай-ши, пока эта группа позволяла нам воспитывать коммунистическую китайскую партию, воспитывать народные массы Китая в том духе, как нам это нужно было. Не нужно забывать, товарищи, что мы заблаговременно повернули, когда определился переход этой либеральной буржуазии в противоположную сторону.

Конечно, очень трудно доказывать правильность нашей тактики как раз в момент поражения.

И само собой разумеется, что даже при всей правильности большевистской тактики, когда нас разгромили в 1905 году на Пресненских баррикадах или когда мы потерпели поражение в июльские дни 1917 г., тоже было труднее, чем при победе, доказать, что большевики правы.

О последних событиях в Китае имеются только небольшие кусочки в газетах. Вы знаете, что после того, как уханское правительство повернуло в лагерь контрреволюции, там выделились наверху—а снизу, конечно, гораздо больше—крайние левые гоминдановцы. Имена их вряд ли вам интересны, но там есть, напри-

мер, жена Сун Ят-сена и целый ряд других крупных деятелей национальной революции, имеются там и коммунисты, и вот они подняли восстание против уханского правительства, как вы знаете из газет. Я могу сказать, что им удалось сплотить около 20.000 штыков. Они заняли Нанчан. У них план такой—уйти из Нанчана, где они окружены враждебными силами, на Гуаньдун, направляясь, таким образом, с севера на юг, и „обрастать" по пути крестьянами и рабочими. Они представляют собою боевой кулак, действительно революционный. Об'явили они себя Красной армией и успешно начали свое продвижение на юг. Они имеют шансы на кое-какой успех. Они образовали новое правительство, уж не знаю, какое по счету (кажется 4-е), которое действительно является блоком рабочих и крестьян, потому что оно открыто пишет на своем знамени „Конфискация земли", „Ковырнем штыком помещиков как следует", и вообще невежливо обращаются со знатными, владетельными элементами в деревне и в городах. В Хубее недавно образовалась значительно меньшая группа, но тоже в этом роде. Вокруг них собираются крестьянские массы, рабочие, партизаны и т. д. Конечно, если их расколотят, будет плохо, но разве в их появлении не видно нашего влияния? Есть шансы, что из этого нового армейского образования выйдет настоящая Красная армия. Я лично считаю, что эта отчаянная попытка, которая была сделана, при изве-

стном успешном развитии дел будет лучшим аргументом за нашу тактику, потому что тогда все колеблющиеся скорее поймут правильность нашей тактики, чем в условиях, когда нас здорово потрепали.

При проверке опыта нашей тактики в китайской революции нужно признать, что кое-какие частичные ошибки у нас были, но по совести я должен сказать, что в общем тактическая линия Коминтерна и ЦК ВКП(б)—единственно правильная линия. Я считаю, что в других колониальных странах вовсе не обязательно, чтобы туда *целиком* была перенесена китайская тактика. Мы в Коминтерне обсуждаем вопрос об Индии. Там дело обстоит не так, как в Китае, несмотря на то, что это колониальная страна, по той простой причине, что буржуазия стоит в более тесной связи с английскими империалистами, и поэтому возможности действий ее против английского империализма вряд ли будут об'ективным фактом. Нельзя перенести механически опыт Китая на Индию; что же касается Китая, то при внимательном рассмотрении проблемы вы увидите, что единственная точка зрения, которая была правильной, это была точка зрения, которую защищали наша партия и Коминтерн.

Я остановлюсь еще на вопросе о советах в китайской революции.

Основным своеобразием китайской революции было до сих пор существование такой

организации, как гоминдан, который раскололся с изменой Чан Кай-ши. Гоминдан представляет собой массовую организацию, которая из своей среды выделяла правительство. В уханский период левый гоминдан выделил правительство, которое мы поддерживали пока оно не стало контрреволюционным и пока это правительство разрешало вести нашу работу — работу китайской компартии среди китайских рабочих и крестьян. Если бы мы в это время стали создавать советы, то это означало бы курс на свержение уханского правительства, прямой путь на свержение правительства, которое мы обязались поддерживать и поддерживать которое мы были должны.

Теперь, после того как это правительство перешло в лагерь контрреволюции, по отношению к гоминдану получилась такая позиция. Мы должны были сделать последнюю попытку овладеть полностью гоминдановскими низами и свергнуть левую гоминдановскую верхушку Ван Тин-вея и т. д. Мы должны были дать такую директиву потому, что во всех массовых организациях, связанных с гоминданом, в крестьянских союзах, комитетах, профессиональных рабочих союзах у нас подавляющее влияние. Все эти организации связаны с гоминдановской организацией, и мы должны были—мне кажется, это единственно правильная тактика—дать лозунг—поднимать гоминдановские левые низы против верхушки. С другой стороны, мы должны

были ясно перед собой в последнее время видеть такую перспективу. Может быть, наш противник, обладающий военной силой, перейдет в такую стремительную атаку по всей линии гоминдановской организации, что превратит гоминдан в организацию, которая никак не может быть использована нами. Имеются провинциальные организации гоминдана, во главе которых стоят коммунисты или близкие к ним. Эти комитеты арестовываются, членов их вешают, затем назначаются другие комитеты и назначаются они контрреволюционерами. Это называется „реорганизацией" гоминдана. Естественно поэтому, что, когда военная сила не у нас в руках, когда эта военная сила в действии против нас, мы можем не успеть за тем, чтобы поднять массы гоминдана, чтобы они выборно свергали верхушку. Если гоминдан трещит по всем швам, то наша последняя попытка—поднять гоминдановские низы против верхов. Теперь уже все лучшие элементы гоминдана пойдут по руслу *советов*, потому что гоминдановская организация разваливается, трещит, потому что, по всей вероятности, мы не успеем поднять низы левого гоминдана против верхов. Вот почему мы приняли лозунг усиленной пропаганды советов, и если будет развиваться под'ем революции, то необходимо перейти от этой пропаганды лозунга к непосредственной организации советов, выставив этот лозунг как актуальный лозунг непосредственной политической борьбы.

Так надо понимать те лозунги, которые мы выдвинули за последнее время.

Организационный вопрос и оппозиция.

В заключение я хочу остановить ваше внимание на организационно-партийном вопросе, как он стоит в связи с последними выступлениями оппозиции.

Во-первых, я хотел бы напомнить вам, что после XIV с'езда нашей партии мы утверждали все, что „новая оппозиция" в организационном вопросе по сути дела перешла на платформу Троцкого, выдвинув лозунг свободы фракций и группировок, лозунг Троцкого—„живи и жить давай другим", который с течением времени стал перерастать в лозунг Оссовского о двух партиях.

Оглядываясь назад, на прошлое, мы видим, что каждое замечание, сделанное тогда оппозицией и направленное против единства партии, принесло теперь свои зрелые плоды, которые у всех на виду. Эти плоды пожал „старый" исторический Троцкий. Свое понимание организационно-партийных принципов Троцкий выразил особенно выпукло в 1904 году в брошюре „Наши политические задачи". Я напомню вам рассуждения Троцкого 1904 года, чтобы установить историческую преемственность современных взглядов оппозиции с этими старыми троцкистски-меньшевистскими взглядами. Вот

что, например, писал Троцкий о большевистском партийном режиме против Ленина:

> „*Три или пять членов комитета представляют в своем лице „единство и волю общественного рабочего организма*“. Они принимают решения, они „делают“ новое направление в партии, сдают в архив „экономизм“, пускают в ход „централизм“, признают „Искру“, отрицают „Искру“,— словом, творят внутрипартийную политику; а под ними „мир детальных работников“, которые набирают прокламации, собирают деньги, раздают брошюры... За последние 3—4 года интенсивных внутрипартийных прений жизнь очень многих комитетов представляет ряд государственных переворотов в духе наших дворцовых переворотов XVIII столетия. Где-то наверху, высоко-высоко, кто-то кого-то куда-то заточает, сменяет, кого-то душит, кто-то себя кем то провозглашает, — в результате на комитетской вышке торжествующе появляется флаг с надписью: „Ортодоксия, централизм, политическая борьба...“.

Разве то что говорит теперь оппозиция о партийном режиме, не заимствовано со страниц брошюры Троцкого „Наши политические задачи“? Разве то, что Троцкий обращал против Ленина, не обращается теперь оппозицией против ЦК и всей партии?

Разве „исторический“ Троцкий не пожал здесь плоды?

А вот как Троцкий понимал—и как он по всем данным и теперь понимает — партийную дисциплину.

> „...Дисциплина, — пишет Троцкий, — имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но когда известное направление поставлено перед перспективой „лишения прав“, т.-е. лишения возможности бороться

за идейное влияние, тогда вопрос его существования из вопроса права превращается для него в вопрос силы".

„*В этом последнем случае,* — продолжает Троцкий, — представители крамольного течения, в зависимости от остроты положения, *либо раскалывают партию,* ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше „принципов" формальной дисциплины, либо остаются в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения связывающей их партийной дисциплины к минимуму, чтобы тем самым обеспечить себе максимум свободы действия и противодействия вредным тенденциям. Поскольку они будут сознательно высвобождать себя из-под узды партийной принудительности во имя интересов партии, как они их понимают, и поскольку их влияние позволит им это сделать, постольку *жалким суеверием будет всякая попытка противной стороны удержать их повторением слова „дисциплина". Ничто не может быть менее внушительным, чем фигура политического „вождя", прибегающего в решительную минуту к подобного рода заклинаниям. Это нужно запомнить раз навсегда*".

Троцкий признает дисциплину лишь постольку, поскольку она не подавляет его „личности", для него существуют только его личные мнения, личные убеждения, лично им устанавливаемые нормы. *Партийных* решений, общепартийных норм, партийной воли, которым должен подчиняться каждый партиец, для него не существует.

Когда мнение партии расходится с его личным мнением, он „раскалывает" партию, он об'являет „жалким суеверием" „всякую попытку... удержать" его повторением слова

„дисциплина“. Не исходит ли оппозиция, третирующая волю партии, из этих посылок Троцкого? А ведь Ленин характеризовал троцкизм в организационном вопросе с исключительной суровостью. Вот что он писал по этому поводу:

> „*Партийная организация кажется ему чудовищной „фабрикой“*, подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему „*закрепощением*“... разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагические вопли против превращения людей в „винтики“ и „колесики“ упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу „формалистов“) замечание, *что можно бы и вовсе без устава*... Не нужно никакой иерархии низших и высших партийных коллегий и инстанций—*барскому анархизму* такая иерархия кажется канцелярским измышлением ведомств, департаментов и прочее... *не нужно никакого подчинения части целому, не нужно никакого „формально-бюрократического“ определения партийных способов столковываться или размежевываться*, пусть старая кружковая свалка освящается фразерством об „истинно-социал-демократических“ приемах организации“.

И вот теперь оппозиционная, взятая у троцкизма, „барско-анархическая“ идеология привела оппозицию к Ярославскому вокзалу. Тов Зиновьев прямо сказал, что проводы тов. Смилги были с их стороны политической демонстрацией против ЦК. Эта политическая уличная демонстрация против ЦК, против собственной партии есть высшее преступное воплощение того „барского анархизма“, на путь которого т. Троцкий вступил давно и по кото-

рому он, с величайшим сожалением для нас, ведет за собой на веревочке тт. Зиновьева и Каменева и др. Как вам известно, теперь оппозиция в этом пункте отступила, но отступила, сохранив для себя не только лазейку, а и целые ворота для дальнейших вылазок. Оппозиция заявила, что она готова уничтожить фракционность, но элементы фракционности-де получаются в результате извращения партийного режима и т. д. Выходит, что они не виноваты в том, что пошли на Ярославский вокзал, а виноваты мы.

Так вот, товарищи, если мы подведем некоторые итоги, то увидим, что за время, протекшее после XIV с'езда, оппозиционеры по идейной линии от смутных намеков на термидорианство перешло к наглым заявлениям о термидорианском перерождении ЦК: по организационной линии от требования свободы группировок перешли к демонстрации на Ярославском вокзале. В результате мы получили огромнейшую раздвижку внутрипартийных „ножниц".

Стоящему перед такими итогами партийцу кое-что в позиции ЦК может показаться неясным. Разбив на-голову во время дискуссии своих оппозиционных политических противников, загнав их в идеологический тупик, об'единенный пленум ЦК и ЦКК все же, несмотря на все это, принял решение о выговоре, оставив лидеров оппозиции в составе ЦК. Из каких соображений исходили ЦК и ЦКК, прини-

мая это решение? Опасность со стороны оппозиции заключается вовсе не в том, что оппозиция может повести за собой сколько-нибудь значительные слои нашей коммунистической партии.

Я лично думаю, что это исключено, хотя лидеры оппозиции и козыряют поддержкой почти двух тысяч партийцев.

Мы знакомились с социальным составом оппозиции, которая не прочь упрекнуть партию в том, что она имеет в своих рядах очень малый процент рабочих. После этого ознакомления мы убедились, что процент рабочих у оппозиции значительно ниже, чем тот процент, который мы имеем для всей партии. Следовательно, хвастаться своим социальным составом нашим оппозиционерам не приходится.

Это вполне понятно. Они имеют главную базу не в рабочих ячейках, а в вузовских ячейках, среди шовинистов в Грузии, наконец, в том кадровом костяке троцкистов, который шел за Троцким на всех этапах борьбы с партией.

Опасность, которую представляет для нас оппозиция, заключается в том, что при сравнительно небольшом кадровом составе эта фракция, которая может вылиться во вторую партию, может, даже совсем того не желая и не сознавая, послужить рупором тех сил в нашей стране, которые направлены против диктатуры пролетариата, против господства нашей партии.

Оппозиция опасна нам тем, что в случае обострения борьбы против нашей партии, она будет становиться рупором тех сил, которые стоят вне нашей партии. Больше того, оппозиция—в этом случае—неизбежно послужит рупором тех сил, которые борются против советской власти в нашей стране.

Вот почему меньшевики, в ответ на демонстрацию тт. Зиновьева, Троцкого и прочих на Ярославском вокзале во время проводов тов. Смилги, прямо и откровенно заявили, что эта демонстрация—„самое значительное событие в политической жизни страны за ряд последних лет".

Естественно, что с нашей стороны должно быть сделано все возможное для того, чтобы стянуть оппозицию с гибельного пути второй партии, чтобы отвоевать от оппозиции каждого рабочего, который находится в оппозиционных рядах, чтобы перевести его на свою сторону.

Считаясь с этим, мы сделали последний шаг в сторону примирения с оппозицией. Мы задали им бой на Центральном Комитете, разгромили их идейно, заставили их полукапитулировать, хотя они и не капитулировали совсем, а лишь наполовину, ибо они оставили у себя за пазухой камни против партии; нельзя дать никакой гарантии в том, что они сдержат даже это свое обещание, и ни в коем случае нельвя ослаблять партийной настороженности по отношению к оппозиции. Мы опаса-

емся, что оппозиция будет пользоватьси всяким удобным случаем, чтобы провести так или иначе окольными путями свою „линию“. Она от нее не отказалась, она не капитулировала, а полукапитулировала.

Мы заявили лидерам оппозиции, что от них зависит очень многое, что ЦК сделал буквально все, что можно было сделать, для сохранения единства. Мы считаем, что мы это сделали правильно и с точки зрения отвоевания последних солдат из оппозиционной армии. На оппозиции лежит целиком ответственность за возможные новые осложнения внутри партии до с‘езда и после с‘езда. Наша обязанность будет—отчетливо защищать нашу политическую позицию, отчетливо бороться за нашу политическую ленинскую линию и твердо бороться против всяких дезорганизаторских попыток оппозиции. Мы призываем нашу партию к еще большей сплоченности ее рядов на ленинской основе. Мы не можем дать обязательства оппозиции, что мы откажемся от проработки. Наоборот, мы должны результаты этого пленума широким образом популяризировать. Мы должны всей партии вообще и сторонникам опозиции в частности показать опасность, которую сулит вторая партия, мы должны показать, как оппозиция идейно и организационно начала уже ходить по острию. Мы должны это показать, сказать всей партии, что она должна быть настороже.

Мы можем укрепить и умножить великие завоевания революции в грядущей тяжелой полосе только при одном условии—при еще большем сплочении партийных рядов, чем это было до сих пор. Мы должны понять, что организационное единство нашей партии есть необходимое условие нашей победы, мы должны раз‘яснить это и нашей партии, и всем членам Коминтерна, и широким кругам международного рабочего класса. Мы должны раз‘яснить, что невозможно мобилизовать широкие рабочие массы европейского, азиатского, африканского пролетариата для защиты СССР, рассказывая всякие басни о Термидорах, о перерождении, об устряловском уклоне, о национал-реформистах и т. д.

Все члены партии нашего Союза должны противопоставить врагу единый революционный фронт не только в организационном отношении, но и в отношении идеологическом, потому что только при абсолютной уверенности, что мы строим социализм, а не госкапитализм, что наше государство есть рабочее государство, а не полутермидорианский выкидыш—может быть гарантирована крепость наших рядов, их стойкость, их сила.

Мы не можем победить с убеждением, что в нашей стране царствуют „политические сумерки“. Мы можем победить под лозунгом: *Да здравствуют растущие силы социализма в нашей стране!* (Бурные аплодисменты).

